

Три аспекта творчества Светланы Алексиевич

дорогие друзья, спасибо что пришли.

[слайд-1]

Как пишет Алексиевич: “Флобер говорил о себе, что он человек – перо, я могу сказать о себе, что я человек – ухо.” Критические отзывы подчеркивают полифонию ее работы. В самом деле, даже Нобелевский комитет аплодировал ее способность записывать и воссоздавать хор мучительных, уникальных, душераздирающих, и в конечном счете, мужественных голосов. Что мы можем понять от этих звуков, этих истории?

[слайд-2]

Я утверждаю что есть, по крайней мере, три различных средства понимания, для ее работы. Во-первых, мы можем задавать вопросы о контекстной информации, то есть, о геополитике; об истории; о культуре. (Например, что сообщается в официальных исторических счетах событий, как Чернобыль, или война в Афганистане.) Во-вторых, мы можем проанализировать это, как искусство. (Что мы можем здесь сказать о художественности? Как это отражает ценности современная критика? Какая была реакция публики?) в-третьих, как мы можем видеть - или воспринимать - это через линзу жизни? Есть ли у работа какой-то влияние на будущее понимание? В этическом плане, что это значит, быть свидетелем? (Есть ли смысл разница между правдой и истиной?) Кроме того, есть вопросы перевода, и о вмешательстве голоса автора.

(Так как мы говорили о аспектах 1 и 2 на прошлой неделе, сегодня я хотел бы сосредоточиться на третий аспект.)

[слайд-3]

стоит рассматривать ее работу, зная, что эти вопросы долгостоще в пейзаже русской культуры; голоса Алексиевича часто напоминают о «вечной загадке русской души”. Действительно, Этот вопрос бросает тень на каждой рассмотрению в ее работу, в той степени, что писатели иногда критикуют ее работу за его мифической и универсалистской характер. Это подводит нас к первому из ее многих мотивов, или, повторяющиеся изображений: тот Маленький большой человек. Алексиевич предполагает, что близость души маленького человека в к смерти и любовь заставляет его производить поэзию, быть вещью красоты. Для нее эти переживания могут освободить одного от банальности.

Как пишет Алексиевич, она имеет дело с с одним типом персонажа, тот:

“Маленький большой человек, так я бы сказала, потому что страдания его увеличивают. Он сам в моих книгах рассказывает свою маленькую историю, а вместе со своей историей и большую. Что произошло и происходит с нами еще не осмысленно, надо выговорить.”

Тем не менее, Алексиевич попала под огонь критики. Одна статья обвиняет: “Witness Tampering! Nobel Laureate Svetlana Alexievich crafts myths, not histories.” Несколько подобных статей утверждают, что она редактирует свою работу недобросовестно, меняя слова ее свидетелей, чтобы вызвать жалкую реакцию.

Я хочу знать: что вы думаете? Если мы уважаем эту работу, как мы это делаем? Это искусство, или история, или журналистика? По этой теме, она пишет:

“А что такое литература сегодня? Кто ответит на этот вопрос? Мы живем быстрее, чем раньше. Содержание рвет форму. Ломает и меняет ее. Все выходит из своих берегов: и музыка, и живопись, и в документе слово вырывается за пределы документа. Нет границ между фактом и вымыслом, одно перетекает в другое. Даже свидетель не беспристрастен. Рассказывая, человек творит, он борется со временем, как скульптор с мрамором. Он – актер и творец.”